

Калдер К., Мин Е. Рождение Северо-Восточной Азии
Calder K., Min Ye. The Making of Northeast Asia. Stanford: Stanford University Press, 2010. 368 p.

В потоке литературы, посвященной интеграционным процессам в Восточной Азии, заметным событием стал выход в свет книги «Рождение Северо-Восточной Азии» (The Making of Northeast Asia), написанной в соавторстве директором Центра восточноазиатских исследований Университета Джона Хопкинса Кентом Калдером и исследователем из Бостонского университета Мин Е.

Под Северо-Восточной Азией авторы подразумевают регион, ядро которого образуют материковый Китай, Тайвань, Южная Корея и Япония¹. Они отмечают, что политически и экономически Северо-Восточная Азия компактно сконцентрирована вокруг Восточно-Китайского моря — в районе, который сейчас нередко именуют «Шанхайским кругом», поскольку все крупнейшие мегаполисы Китая, Тайваня, Кореи и Японии расположены в пределах трех часов полета от Шанхая. В границах этой окружности живет 1,3 млрд чел., производящих около одной пятой мирового ВВП.

Авторы подчеркивают, что отдают приоритет именно Северо-Восточной Азии, а не более обширному политико-географическому региональному образованию, именуемому Восточной Азией, потому что именно на Северо-Восточную Азию приходится львиная доля экономического, технологического и военно-стратегического потенциала всего восточноазиатского региона. Кроме того, роль стран Юго-Восточной Азии, по их мнению, сравнительно уменьшается. Называя лидерство АСЕАН в процессах восточноазиатской интеграции «артефактом холодной войны», Калдер и Е прогнозируют, что отныне задавать тон в региональных делах будут страны Северо-Восточной Азии. Это обусловлено совокупным политико-экономическим весом «Большого Китая», Японии и Кореи, их растущей взаимозависимостью и активизирующимся взаимным сотрудничеством.

Рефреном в книге звучит мысль о том, что Северо-Восточная Азия «стоит на пороге исторических геополитических перемен», которые могут коренным образом трансформировать «аномальную отчужденность, преобладавшую здесь после Второй мировой войны»

(С. 7). Авторы указывают на тенденции, дающие реальный шанс преодолеть конфликты времен «холодной войны», прежде всего в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове. Если эти положительные процессы возобладают, может образоваться мощнейший коллективный субъект глобальной политики, который будет способен на равных разговаривать с такими центрами силы, как США или ЕС. Экономические предпосылки для этого уже налично: так, в 2008 г. объем торговли между Японией, Южной Кореей, Китаем, Гонконгом и Тайванем достиг 1,25 трлн долл. (для сравнения: их совокупный торговый оборот с США равнялся лишь 780 млрд долл.) (С. 9).

Северо-Восточная Азия наконец начала заполнять долгое время зиявшую в регионе «институциональную брешь» (*organization gap*), проявлявшуюся в полном отсутствии собственных многосторонних механизмов сотрудничества. Наиболее важным прорывом в этой области стало ежегодное проведение трехсторонних саммитов глав государств КНР, Японии и Республики Корея, первый из которых состоялся в декабре 2008 г. в Фукуоке². В дополнение к саммитам интенсивно растут механизмы партнерства на министерском и нижестоящих уровнях. В трехстороннее взаимодействие вовлечены не только официальные лица, но и ученые, бизнесмены, представители гражданского общества. Важными площадками по продвижению идей регионального сотрудничества стали представительные форумы в Боао (КНР) и на Чеджу (Республика Корея). Хотя в этих встречах участвуют политики, эксперты, деловые люди многих стран, первую скрипку в них играют делегаты трех упомянутых государств Северо-Восточной Азии.

Для анализа процессов институционального строительства в СВА авторы предлагают использовать разработанную ими теорию «критических точек» (*critical junctures*). Ее суть в том, что формирование региональных структур многостороннего сотрудничества (причем не только в Северо-Восточной Азии, но и в других районах планеты) в значительной степени определяется кризисными, поворотными

моментами. Кризисы способны выступать мощными катализаторами региональной кооперации, создавая «спрос» на институциональные инновации, а также генерируя их «предложение». Выделяются две основные разновидности кризисов — военно-политические (стратегические) и финансовые. За послевоенную историю Северо-Восточная Азия испытала три крупных кризиса: один — военно-политический (Корейская война) и два финансово-экономических (азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. и глобальный кризис 2008–2009 гг.). Кроме того, авторы выделяют еще два менее масштабных «подкризиса», связанных с ядерной программой Северной Кореи (1994–1995 и 2002–2009 гг.).

Каждый из кризисов оказал огромное влияние на характер международных отношений в регионе. Корейская война поставила крест на планах формирования в Восточной Азии многосторонней структуры (до вступления КНР в войну на Корейском полуострове США всерьез рассматривали возможность создания в регионе «Тихоокеанского пакта» по образцу НАТО). Вместо этого возникла Сан-Францисская политико-экономическая система «втулки и спицы», основанная на двусторонних союзах США с Японией, Южной Кореей и Тайванем и предоставлении им преференциального доступа на американский рынок, с одновременной жесткой изоляцией коммунистических государств региона.

Разразившийся в 1997 г. азиатский кризис заставил восточноазиатские правительства осознать свою финансовую уязвимость, побудив их предпринять коллективные усилия в области экономической интеграции. Одним из главных итогов этого кризиса стала «Чиангмайская инициатива» по взаимному валютному резервированию, где ведущая роль принадлежит странам Северо-Восточной Азии. Кроме того, азиатский кризис стимулировал формирование транснациональных межличностных сетей политиков, чиновников, финансистов и интеллектуалов стран региона, что, в свою очередь, способствовало более оперативному и эффективному реагированию на вызов очередного, уже глобального кризиса 2008–2009 гг.

В монографии подчеркивается, что концептуальный фундамент регионализма в Северо-Восточной Азии начал закладываться еще в конце XIX — начале XX вв., особенно в период между русско-японской и первой мировой войнами, когда возникли и стали набирать популярность идеи панasiatизма. Центром распространения новой идеологии стал Токио,

который являлся местом паломничества азиатских, преимущественно китайских и корейских, интеллектуалов. Однако японоцентричная версия регионализма была скомпрометирована агрессивным поведением Токио в 1930-х и начале 1940-х гг.

После Второй мировой войны наблюдались две волны идеологии азиатского единства. Первая — в 1980-е гг. Вторая, вызванная финансовым кризисом 1997 г., продолжается до сих пор. Авторы книги полагают, что нынешний импульс к региональному сотрудничеству гораздо сильнее и устойчивее, чем все предыдущие. После ухода Коидзуми в сентябре 2006 г. атмосфера между Пекином и Токио начала заметно улучшаться. С избранием в 2008 г. на президентские посты Ли Мен Бака (в Республике Корея) и Ма Иньцзю (на Тайване) произошло потепление в межгосударственных отношениях между Сеулом и Токио и между Тайбеем и Пекином. Эти позитивные изменения способствовали активизации регионального строительства в Северо-Восточной Азии.

Авторы подробно анализируют позиции и мотивации основных акторов, посвятив отдельные главы Китаю, Южной Корее, Японии и США.

С приходом в 2003 г. команды во главе с Ху Цзиньтао и с нормализацией в конце 2006 г. отношений с Токио регионалистская политика Пекина все более акцентируется на Северо-Восточной Азии. Такой разворот в сторону региональных инициатив объясняется двумя факторами.

Во-первых, Китай начал отходить от завещанного Дэн Сяопином принципа «скрывать свои возможности и выжидать», проводя все более энергичную внешнюю политику. Во-вторых, произошли изменения в стратегии внутреннего развития Китая: если раньше приоритет отдавался прибрежным провинциям, то при Ху Цзиньтао была признана необходимость более сбалансированного регионального развития. В частности, была принята программа оживления трех северо-восточных провинций КНР. Важным элементом восстановления потенциала этого «догоняющего» китайского региона стало расширение его связей с соседями по Северо-Восточной Азии.

Потребности экономического развития привели также к тому, что многие представители китайской политической и деловой элиты, особенно выходцы из северо-восточных провинций, стали лоббистами в пользу дальнейшей интенсификации интеграционных контактов между КНР и странами Северо-

Восточной Азии. В качестве примера можно привести Бо Силая (мэр Даляня в 1993–2000 гг., губернатор провинции Ляонин в 2001–2004 гг.). В апреле 2005 г., когда по всему Китаю проходили массовые антияпонские демонстрации, Бо Силай публично выступил в защиту китайско-японского торгового сотрудничества (С. 173).

Как отмечают авторы монографии, катализаторами регионального сотрудничества зачастую выступают небольшие государства. Можно вспомнить роль стран Бенилюкса в западноевропейской интеграции или Уругвая в создании блока МЕРКОСУР. В восточноазиатском регионализме в течение длительного времени тон задавали страны АСЕАН, обладающие весьма скромным геополитическим весом.

В формировании интеграционного сообщества в Северо-Восточной Азии подобную катализирующую роль играет Республика Корея. Несмотря на свои скромные размеры, она располагает рядом преимуществ. Благодаря местонахождению в самом сердце Северо-Восточной Азии Южная Корея способна претендовать на то, чтобы быть центром формирующегося региона и мостом между Китаем и Японией. Сильная президентская власть в сочетании с однопалатным парламентом позволяет формулировать и осуществлять смелые региональные инициативы, особенно если высший пост занимает решительный и дальновидный лидер, пользующийся международным авторитетом. Кроме того, южнокорейская экономика характеризуется высокой степенью централизации с преобладанием гигантских конгломератов-«чеболей», что облегчает ее курс на региональную интеграцию.

Способность Южной Кореи выполнять функции регионального медиатора впервые стала очевидной в 1991 г., когда благодаря ее дипломатическим усилиям удалось достигнуть договоренности об одновременном вступлении в АТЭС КНР, Гонконга и Тайваня. Однако в полной мере ее роль «застрельщика» региональных инициатив проявилась в период президентства Ким Тэ Чжуна (1997–2002 гг.), который внес значительный вклад в формирование механизма «АСЕАН+3». Сменившие его Но Му Хен и Ли Мен Бак продолжили курс на активное продвижение интеграционных процессов с акцентом именно на Северо-Восточную Азию.

В отличие от своих континентальных соседей по Северо-Восточной Азии Япония демонстрирует меньшую активность в деле регионалостроительства. Одна из причин этого —

инерционность политической системы страны, в которой, в отличие от Южной Кореи, отсутствует сильная исполнительная власть, а парламент является двухпалатным, со сложными и медленными законодательными процедурами. Среди японской бюрократии также нет однозначной поддержки региональных инициатив. Министерство иностранных дел традиционно ориентировано на культивирование связей с США, в то время как министерство финансов относится к азиатским региональным проектам с гораздо большим энтузиазмом. Экономические агенты также занимают различные позиции по вопросу региональной интеграции. Крупный бизнес горячо поддерживает сближение с Китаем и Кореей, а сельскохозяйственные производители и значительная часть малого и среднего бизнеса выступают против. Победа Демократической партии Японии на парламентских выборах в 2009 г. создала более благоприятные внутривнутриполитические предпосылки для активизации региональной роли Токио, поскольку лидеры ДПЯ Юкио Хатояма и Ичиро Одзава известны как сторонники приоритетности отношений с Восточной Азией.

Хотя США находятся за географическими пределами Северо-Восточной Азии, они обладают мощными рычагами для того, чтобы либо способствовать, либо препятствовать формированию регионального сообщества. Как считают Калдер и Мин Е, на отношение США к Северо-Восточной Азии до сих пор накладывают заметный отпечаток то обстоятельство, что американцы до недавнего времени не поддерживали с регионом существенных коммерческих и гуманитарных контактов. Этим Северо-Восточная Азия значительно отличается от Европы, Латинской Америки или Юго-Восточной Азии, которые имели с Америкой гораздо более тесные связи и, следовательно, представляли для нее гораздо больший интерес. Однако в последние десятилетия эта ситуация стала меняться. Так, быстрыми темпами растет численность азиатских диаспор в США. Доля китайцев, корейцев и японцев в населении страны составляет уже два процента, что втрое больше чем два поколения назад. Особенно многочисленны азиаты в самом влиятельном штате — Калифорнии (С. 237). Колоссальный размах приобрело торговое и инвестиционно-финансовое взаимодействие американского бизнеса со странами Северо-Восточной Азии. Бурно развиваются культурные и научно-образовательные контакты.

По мнению авторов книги, Вашингтон не должен цепляться за архаичную систему

«втулки и спиц», которая воплощала «имперский» порядок с Америкой в качестве беспорного доминанта. Относительное снижение политико-экономического веса США и нарастающее взаимодействие «спиц» делают невозможным сохранение этой иерархизированной структуры. Калдер и Мин Е полагают, что Соединенным Штатам следует не препятствовать регионализму в Северо-Восточной Азии, а, напротив, способствовать ему, но таким образом, чтобы интеграция в этом регионе органично вписывалась в многослойную азиатско-тихоокеанскую и глобальную архитектуру. При этом США отнюдь не должны отказываться от своих двусторонних альянсов с Японией и Республикой Корея, выступая в отношении этих стран в качестве «стабилизатора» и «гаранта» (С. 246).

Основной вывод монографии вполне однозначен: рост торгово-экономической взаимозависимости, формирование транснациональных межличностных и политических сетей, постепенное забвение застарелых конфликтов и травм — все это объективно ведет к формированию регионального сообщества в Северо-Восточной Азии, которое в свою очередь может стать «центром притяжения» для более обширного восточноазиатского регионализма.

Представляется, что авторы все же излишне оптимистично оценивают перспективы политико-экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и явно недооценивают сосредоточенный в регионе конфликтный потенциал. Книга была сдана в печать в начале 2010 г. Однако уже в марте 2010 г., после гибели

ли южнокорейского корвета, резко обострилась военно-политическая обстановка на Корейском полуострове. В сентябре этого же года в результате инцидента у островов Сенкаку значительно ухудшились отношения между КНР и Японией.

Аргументация авторов построена преимущественно на постулате торгового либерализма о том, что экономическая взаимозависимость и взаимная выгода влекут за собой «умиротворение» в политических отношениях государств. Однако этот тезис далеко не бесспорен. Не следует забывать и о логике реалистской парадигмы, в соответствии с которой важно, кто именно из участников сотрудничества выигрывает больше других. Сами авторы признают, что главным бенефициаром процессов региональной интеграции в СВА является Китай (С. 264) и именно он в наибольшей степени способен доминировать в формирующихся региональных структурах, используя их в том числе для усиления своего глобального влияния (С. 255). Неравномерность распределения стратегических выигрышей закономерно приводит к тому, что некоторые страны (в Северо-Восточной Азии это прежде всего Япония) будут с опаской относиться к продвижению интеграционных тенденций.

Несмотря на чрезмерное, на наш взгляд, акцентирование позитивных тенденций и преуменьшение вызовов региональной интеграции, книга Кента Калдера и Мин Е содержит богатый и интересно изложенный материал, несомненно заслуживая того, чтобы ее внимательно прочитали.

© 2011

*А. Лукин,
к. полит. н., доцент Владивостокского института
международных отношений Дальневосточного
федерального университета.*

1. В качестве составных частей Северо-Восточной Азии авторы упоминают также российский Дальний Восток, Монголию и Северную Корею. Однако в силу слабой вовлеченности в региональную интеграцию им отводится периферийная роль и подробно они в книге не рассматриваются.
2. Китайско-японо-южнокорейские саммиты проводились и ранее, но исключительно в рамках встреч «АСЕАН плюс Три», что значительно снижало их статус и значение.